

3. Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. М., 1975. – 225 с.
4. Гутнова Е.В. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиэвистики) // Средние века: Сб. ст. Вып. 25. М., 1964. – 322 с.
5. Маркова Л.А. Г. Т. Бокль: наука в развитии цивилизации (к предыстории социологического рассмотрения науки) // Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. – 325 с.
6. Трахтенберг О.В. Очерки по истории философии и социологии Англии XIX в. М., 1989. – 216 с.

УДК 94(470)

А.Н. Фукс

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ В САМОМ СЖАТОМ ОЧЕРКЕ» М.Н. ПОКРОВСКОГО КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Аннотация. В статье автор определяет влияние историографических построений М.Н. Покровского на формирование советской моноконцепции отечественной истории, убедительно прослеживает взаимозависимость содержания школьной истории от политической ситуации и идеологических установок правительства. Раскрывает значение первого советского учебника «Русская история в самом сжатом очерке» как историографического источника - книги, по существу приобретшей статус единственного официального учебника истории в 20-е гг. XX века. Изучение «Русской истории в самом сжатом очерке» и ее оценок в советской и постсоветской историографии свидетельствует о том, что отношение к учебнику М.Н. Покровского является «лакмусовой бумажкой» изменения историографической ситуации в стране. Анализ учебника позволил автору опровергнуть сложившуюся устойчивую традицию в исторической науке рассматривать М.Н. Покровского как разрушителя дореволюционной академической науки, как нигилиста по отношению к её наследию. Автор доказывает, что многолетняя критика Покровского и его теории «торгового капитала» привела в конечном итоге к недооценке отечественными историками роли торговли, купеческого сословия в процессе мо-

дернизации экономики российского государства.

Ключевые слова: историческая концепция М.Н. Покровского, школьный учебник как историографический источник, советская моноконцепция отечественной истории, «торговый капитал», роль «классовой борьбы» в истории.

A.N. Fuks

«Russian history in the most concise essay» M.N. Pokrovsky as a historiographic source.

Abstract. The author defines the influence historiographical constructions Pokrovsky on the formation of the Soviet monokontseptsii country's history, convincingly demonstrates the interdependence of the contents of school history on the political situation in the state and ideological government. Reveals the meaning of the first Soviet textbook «Russian history in the most concise essay» as a historiographical source - books, in effect having the status of the only official history textbook in 20-ies. XX century. Study of «Russian history in the most concise essay» and its ratings in the Soviet and post-Soviet historiography suggests that attitudes towards the textbook Pokrovsky is a «litmus test» historiographical change the situation in the country. The analysis allowed the author of the textbook for the first time to rebut the very strong tradition of historical scholarship consider Pokrovsky as a destroyer of pre-revolutionary academic science as a nihilist in relation to its heritage. The author argues that long-standing criticism of Pokrovsky and his theory of «merchant capital» led eventually to an underestimation of domestic historians of the role of trade, the merchant class in the process of modernizing the economy of the Russian state.

Key words: M.N. Pokrovsky's historical concept, the school textbook as a historiographic source, the Soviet monoconcept of national history, «the trading capital», a role of «class struggle» in the history.

Важной вехой в становлении зарождающейся советской историографии было издание в 1920 г. «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского[9]. Эта книга на целое десятилетие стала не только самым популярным учебным пособием по истории страны, но и получила широкое распространение во всех учебных заведениях. Учебник М.Н. Покровского выдержал пятнадцать основных изданий, из них десять при жизни автора. По существу, в 20-е гг. XX века учебник М.Н. Покровского приобрел статус единственного официального учебника по истории России вплоть до начавшихся гонений со стороны И.В. Сталина на Покровского и его школу.

Попытаемся дать целостную историографическую оценку первому советскому учебнику истории - «Русской истории в самом сжатом

*© А.Н. Фукс

очерке» М.Н. Покровского: проанализировать основные тенденции советской и постсоветской историографии в изучении его творческого наследия; определить степень влияния историографических идей Покровского на формирование советской школы историков; подтвердить или опровергнуть тезис о действенном влиянии концептуальных построений учёного на формирование советской моноконцепции отечественной истории; вскрыть механизм возникновения противоречий в исторических взглядах и оценках главы советской историографии 1920-х гг.; показать значение «Русской истории в самом сжатом очерке» как историографического источника.

На сегодняшний день в советской и постсоветской историографии насчитывается немало работ, посвящённых изучению творческого наследия М.Н. Покровского. Все исследователи не обходят стороной основные жизненные вехи учёного. Поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе.

Еще до революции исторические воззрения М.Н. Покровского, его поиски объяснения хода русской истории с классовых позиций вызывали неоднозначную оценку со стороны современников. Она напрямую зависела от политических взглядов рецензентов. Либералы критиковали Покровского за излишнюю «политизацию» истории. Так, например, А. Кизеветтер, характеризуя Покровского как достойного профессионала, подчёркивал, что его «нельзя заподозрить в незнакомстве с правилами объективного анализа». Однако в своей рецензии он отмечал, что трактовка таких категорий, как «феодалное дворянство», «буржуазия», «пролетариат» стоят далеко от научного понимания: «В историческое изображение прошлого вводятся злободневные, чисто партийные мотивы и лозунги. Историческая наука превращается в служанку политики» [3, 101-103]. Тем не менее, признанием историографических заслуг М.Н. Покровского ещё до революции было включение его биографии в Энциклопедический словарь братьев Гранат в 1915 г. В этой энциклопедии Покровский характеризовался как марксист, сторонник материалистического понимания истории [14, 8]. Соответственно, высокую оценку исторические взгляды М.Н. Покровского, интерпретируемые им в «Русской истории с древнейших времен», получали в то время у историков большевистского толка, таких, как М.Н. Ольминский, И.И. Скворцов [13].

Насчитывается большое количество работ (статей, диссертаций и монографий), посвящённых изучению концепции М.Н. Покровского [8]. Противоречивость исторических взглядов Покровского вызывала соответственно и противоречивые оценки историографов. Но не толь-

ко в этом причина различных, порой взаимоисключающих, оценок творческого наследия М.Н. Покровского. Эти оценки напрямую зависели от политической ситуации в стране, от правительственного заказа. В 1920-е гг. не могло быть и речи о критике М.Н. Покровского, поскольку он и формально, и реально стоял во главе развития советской исторической науки. Как известно, не без его участия был завершён разгром либеральной академической науки. Все изменилось в 1930-е гг., когда по инициативе Сталина началась критика Покровского и его школы в работе А.Н. Артизова [1] детально раскрыта историографическая ситуация этого периода, автор с привлечением новых архивных материалов проследил биографии репрессированных учеников М.Н. Покровского. В это время единственным условием выживания для профессиональных историков являлся отказ от приверженности к «школе Покровского». Критика Покровского обеспечивала индульгенцию. Даже М.В. Нечкина, ученица М.Н. Покровского, вынуждена была выступить в печати с критическим анализом исторических взглядов своего учителя [7]. Всё это говорит о нравственном микроклимате, сложившемся в молодой советской историографии, которая по собственной оценке, переживала процесс «консолидации на единой марксистской платформе». Во всех смертных грехах М.Н. Покровского перестали обвинять лишь в 1960-80-е годы. В работах К.К. Когонашвили, О.Д. Соколова, А.А. Чернобаева [4] и др. отмечались заслуги Покровского как организатора советской исторической науки, раскрывалось основное содержание его концепции, эволюция методологических и конкретно-исторических взглядов учёного. Нельзя не согласиться и с выводом одного из современных исследователей историографического наследия М.Н. Покровского, А.Н. Артизова, о значении критики школы Покровского как феномена отечественной историографии 30-х гг. XX века. В своей докторской диссертации он подчеркнул: «Критика Покровского способствовала преодолению нигилизма по отношению к дореволюционному историографическому наследию, активизировала разработку многих научных проблем, помогла советским учёным написать патристические по звучанию исторические учебники, в которых были отражены последние к тому времени достижения отечественной историографии» [1, 185-186].

В нынешнее время можно найти совершенно неожиданную оценку взглядов М.Н. Покровского. Если в советской историографии основной удар критики был нацелен на теорию «торгового капитала» Покровского, то некоторые современные учёные превозносят его за эту теорию, отмечая якобы универсальный её характер.

Б.Кагарлицкий высказал «оригинальную» мысль, что теория торгового капитала М.Н. Покровского объясняет роль России в формирующейся глобальной капиталистической экономике. Он пишет, что теория торгового капитала Покровского подвергалась самой большой критике, её обвиняли в «вульгарном социологизме», но именно она оказалась наиболее перспективной и интересной сегодня частью его наследия. По его мнению, механизмом, обеспечивающим соединение «центра» и «периферии», развитых и развивающихся стран является торговый капитал («Теория торгового капитализма, разработанная Покровским, интересна и ценна тем, что позволяет не только переосмыслить события отечественной истории, но и превосходно работает применительно к другим странам, помогает понять становление международного капитализма» [2]). Не бесспорным представляется утверждение Б. Кагарлицкого о том, что «история Покровского – не только марксистский анализ и переосмысление прошлого, но, прежде всего, демистификация» (автор подразумевает критику национальных и антинациональных мифов, отказ Покровского «играть по правилам мифологического сознания, которое просто не является для историка сколько-нибудь интересным, даже в плане полемики»). Подобная актуализация теоретических конструкций Покровского вызывает искреннее уважение, но требует веской научной аргументации и подтверждения конкретными историческими исследованиями. Без этого автора будет легко обвинить в явной искусственности подобной оценки.

Целесообразно напомнить, что первым советским историографом М.Н. Покровского был В.И. Ленин. Он сразу отреагировал на издание в 1920 г. первых двух частей «Русской истории в самом сжатом очерке». В своем письме от 5 декабря 1920 г. В.И. Ленин писал М.Н. Покровскому: «Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки» [5, 488].

Отмечая оригинальность новой книги М.Н. Покровского, В.И. Ленин вместе с тем указал на её недостатки: «Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить её хронологическим указателем. Поясню свою мысль; примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую

науку и новую» [5, 488].

В последующих изданиях книги М.Н. Покровский попытался учесть замечания В.И. Ленина. Он значительно усилил методическое оснащение книги, включив синхронистические и хронологические таблицы, предметный и именной указатели, карты и планы. Однако прямого сравнения историографической оценки «буржуазной» с «марксистской» не получилось. Он ограничился написанием очерка во второй части книги «Как и кем писалась русская история до марксистов» [10, 179]. Любопытно, что жесткой оценки так называемой «домарксистской историографии» у Покровского мы не находим. Повторяя основной тезис либералов, что у Н.М. Карамзина история государства – это история государей, он, тем не менее, называет его «величайшим русским историком» [10, 180]. Более того, Покровский даёт взвешенную оценку историографического наследия С.М. Соловьёва. Покровский писал: «Фактический материал, собранный в этом труде, – имея в виду «Историю России с древнейших времен», – особенно в последних его томах, еще ценнее, чем примечания к истории Карамзина: Соловьёв здесь использовал множество архивных документов, отчасти не опубликованных до сих пор» [10, 183]. Оценка Покровским С.М. Соловьёва как интерпретатора теории перехода родового быта в государственный позднее прочно закрепилась во всей последующей советской историографии. Идеологизированный вывод М.Н. Покровского о характере исторической концепции Соловьёва явно диссонирует с изложением основных её положений. Историк писал: «Взгляды Соловьёва были взглядами историка-идеалиста, который смотрит на исторический процесс сверху, со стороны командующих классов, а не снизу, от классов угнетённых» [10, 183]. Анализируя взгляды В.О. Ключевского, М.Н. Покровский называл своего учителя «самым замечательным», «самым талантливым» историком. Покровский одним из первых отметил, что Ключевский, хотя и придерживался теории «закрепощения и раскрепощения сословий», но «... доказывал, что крепостное право вовсе не было установлено сверху, государством, а возникло из ежедневной будничной борьбы между собою крестьянина и помещика в течение многих десятилетий» [10, 185]. Тем не менее, так же как и в случае с С.М. Соловьёвым, Покровский, характеризуя в лице Ключевского академическую, университетскую науку, делал явно искусственно привязанный к теории классовой борьбы вывод: «Университетская наука была для этой последней (буржуазии - Авт.) одним из способов господства над массами» [10, 186]. Таким образом, следует осторожнее относиться к характеристике историографических

взглядов Покровского на дореволюционную историческую науку. В советской и в постсоветской историографии прочно укрепилось суждение о резко негативном отрицательном отношении М.Н. Покровского к «буржуазной исторической науке» [6, 378]. Во многом этому способствовало крылатое выражение историка, цитируемое практически во всех работах, посвящённых Покровскому: «Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определённую классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и ...история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет» [11, 28]. Как видим, в «Русской истории в самом сжатом очерке» проявилась противоречивость суждений Покровского: с одной стороны, он давал взвешенную оценку достоинствам концептуальных поисков крупных дореволюционных историков, с другой стороны, идеологические и политические задачи заставляли его делать диаметрально противоположные выводы о значении либеральной историографии.

Что же представляла собой схема русско-го исторического процесса, интерпретируемого М.Н. Покровским в своем учебном пособии? Её пониманию уже способствует название разделов книги. Во всех трёх частях «Русской истории в самом сжатом очерке» автор выделяет двадцать два таких раздела, название каждого из которых соответствовало не только тому или иному периоду в истории, но и отражало содержание общественно-экономических явлений и процессов. Уже сам категориальный аппарат свидетельствует об использовании марксистской терминологии, о попытках с позиций решающей роли классовой борьбы и приоритета экономики в общественном прогрессе истолковать ход отечественной истории.

В учебном пособии Покровский пытался в доступной форме дать азы марксистского толкования понятия «способа производства», механизм возникновения классов и классовой борьбы, тесную взаимосвязь этого феномена с хозяйственно-экономической деятельностью человека. Он писал: «Значит, чем объясняется возникновение того или другого общественно-го класса? Оно объясняется тем, как ведётся хозяйство. Прежде хозяйство было мелким, всякий работал в одиночку, – это было одно устройство общества. Потом стали работать все сообща, и получилось другое устройство общества. В основе всех перемен лежит, таким образом, перемена в хозяйстве, перемена экономическая» [12,11]. Удачно для марксиста популяризируя классовую теорию, Покровский ставил перед читателями

риторический вопрос: «Классовое устройство общества ... отражается на успешности борьбы человека с природой или нет?» И отвечал: «Не только отражается, но в конце концов развитие техники, о котором мы сейчас говорили, определяется именно классовым устройством общества. То или другое устройство общества может или страшно замедлить это развитие, или очень ускорить».

В разрешении одной из ключевых и дискуссионных проблем отечественной историографии – возникновении Древнерусского государства, для Покровского главное – классовый подход. М.Н. Покровского мало заботил спор норманистов и антинорманистов и кто были киевские князья: иноземцы или нет? Он писал: «...и то, что первые новгородские и киевские князья, которых мы знаем по именам, были шведы по происхождению (что несомненно), совсем неважно. Гораздо важнее то, что эти шведы были рабовладельцами и работорговцами: захватывать рабов и торговать ими было промыслом первых властителей русской земли» [12, 28]. В отличие от В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, которые констатировали научную бесплодность полемики норманистов и антинорманистов, в отличие от Д.И. Иловайского, который безрезультатно отстаивал правомерность собственной теории происхождения Руси от Роксолан, заботясь о национальных чувствах подрастающего поколения, Покровский замечал: «Это предание (о призвании варягов - Авт.) новейшие историки часто оспаривали из соображений патриотических, т.е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы» [12, 28]. В 20-е гг. XX века ещё не было той нацеленности на использование критики норманнской теории в целях патриотического воспитания (начиная с конца 1940-х гг. в школьных программах неизменно подчёркивалась необходимость показа реакционной сущности норманнской теории). Таким образом, для М.Н. Покровского основная причина возникновения государственности не в деятельности князей, а в механизме формирования классового общества, в развитии, как и у Ключевского, торговли и работорговли. Он писал: «С появлением классов началась и классовая борьба: бедные восставали, нападали на богатых, поджигали у них дома, крали у них скот» [12, 31]. При анализе любого источника у Покровского на первый план выдвигался классовый подход. Так, анализируя «Русскую правду» или любой другой исторический источник, он делал акцент на те материалы, которые свидетельствовали о наличии в древней Руси классовой борьбы. Повествуя о восстаниях в Киеве в XI-XII вв., он писал: «Никакими свире-

пыми наказаниями нельзя было испугать задвленную ростовщиками народную массу. И при первом же удобном случае она поднималась вся уже не в виде отдельных «разбойников», а в виде общенародного восстания» [12, 31]. Покровский, рассматривая общественно-экономические отношения в Древней Руси, в основном следовал взглядам В.О. Ключевского, называя Киевскую Русь торговой, городской, рабовладельческой. Достаточно привести следующую цитату: «Тогдашние большие города жили работорговлей, не нужно забывать этого» [12, 31].

В своем учебнике Покровский популярно с язвительной иронией рассматривал исторические события, так или иначе связанные с религиозным содержанием. Не обошёл он вниманием и факт крещения Руси. Он писал: «Когда явилось христианство, то к прежним духам прибавилось много новых, христианских, ангелов и святых. Но вообще эти верования не изменились. Продолжались и жертвоприношения, только вместо того, чтобы непосредственно отдавать духу курицу, барана, лошадь или что другое, это отдавалось духовенству, которое, предполагалось, умеет как-то ублажить соответствующих духов святых или напугать соответствующих злых духов» [12, 37]. Думается, что М.Н. Покровский – один из родоначальников устойчивой историографической традиции, сложившейся в советской учебной литературе – принижать роль и значение Православной Церкви в формировании культурно-исторических и нравственных начал сотен поколений российских граждан.

Касаясь причин распада Древней Руси, М.Н. Покровский чётко выделяет две основные: 1) упадок торговли, 2) татарское нашествие. «Главных причин упадка древнерусских городов было две: первой была огромная перемена в направлении и характере торговли того времени. ... «Великий водный путь из варяг в греки», на котором вытянулась цепь древнерусских городов, заглох, а с ним вместе стали глхнуть и эти города. Окончательно их добило татарское нашествие» [12, 33].

М.Н. Покровский осуществлял подход ко всем ключевым проблемам русской истории сквозь призму центральной идеи своих концептуальных построений – идеи развития торгового капитала. Не стал даже исключением вопрос о роли и значении татаро-монгольского ига. Для историка главный отрицательный эффект ига – задержка в развитии торгового капитала. Во всем остальном Покровский мало оригинален. В духе Карамзина он рассматривал иго как фактор объединения русских земель: «...объединение Руси около Москвы было на добрую половину татарским делом» [12, 34]. Констатировал непреложный исторический факт, что «...прямые, непосред-

ственные следствия татарского нашествия были очень велики. Городская Русь, истощенная собственными грабежами, подбитая передвижкой мировых торговых путей с Чёрного моря и Днепра на Средиземное море и Рейн, была окончательно добыта татарами и после татарского разгрома оправиться не могла» [12, 34].

Как и В.О. Ключевский, Покровский выделяет ряд факторов, способствовавших объединению русских земель вокруг Москвы. Это и выгодность географического положения города, концентрация богатств в руках московского князя, поддержка церкви. Однако главным фактором для Покровского выступал рост производительных сил, которые концентрировались в одном «из самых больших городов Европы и уж, конечно, самым большим городом в России». Еще Л.В. Черепнин отмечал популярность изложения процесса складывания русского централизованного государства в учебнике Покровского: «в лаконичной формуле... определяет этот процесс (неплохо схватывая его суть) как образование «феодальной монархии» (единодержавия) из «феодального хаоса» [15,105]. Для Покровского Москва – центр экономической жизни, именно в ней преобладало торгово-промышленное население, деятельность которого способствовала разложению натурального хозяйства и формировала в XVII веке всероссийский рынок. По мнению Покровского, во главе этого экономического процесса стояла «торговая буржуазия» [12; 44, 49]. Проводя социальную структуризацию русского общества применительно к этому периоду, он отмечал: «Так мало-помалу феодальный класс распался на две или даже, если хотите, на три части: на крупное феодальное барство, потомков бывших князей и других крупных землевладельцев, владевших огромными вотчинами, но все более разорявшихся, и на мелкое дворянство, которое, наоборот, создавало новое хозяйство и с великим трудом, что называется, выбивалось в люди, сколачивая себе кое-какое достояние». Далее Покровский подчёркивал, что сильнейшим оказался союз двух новых классов – поместного дворянства и горожан – против старой феодальной знати и церковного землевладения [12, 55]. Тем не менее, определяющей для Покровского являлась «четвертая сила – это сила торгового капитала...» [12, 55].

Стержнем в построении «Русской истории в самом сжатом очерке», как и в других работах М.Н. Покровского, явилась так называемая теория торгового капитала. В советской историографии Покровский постоянно критиковался за гипертрофизацию роли торгового капитала в истории страны. Волей-неволей эта критика привела к тому, что значение торгового капитала, роль

купечества в развитии торгово-экономических отношений стала приуменьшаться. Тем не менее, в образовании всероссийского рынка роль купечества, торгового капитала весома. Другое дело, что тезис Покровского о самодержавной монархии XVI-XX вв. как «торговом капитале в шапке Мономаха» не выдержал критической проверки ещё при жизни историка. Покровский утверждал, что семья Романовых стояла на службе не только дворянства, но и торгового капитала, что интересы и того и другого срослись. Он писал: «На самом деле, при первых Романовых лучше всего жилось крупному торговому капиталу ... царь, употребляя удачное выражение одного иностранца, стал первым купцом своего государства» [12, 74-75]. Противоречивость исторической концепции Покровского сказалась и на разграничении категорий «торгового» и «промышленного капитала». С одной стороны, он показывал их тесную взаимосвязь, отмечал, что торговый капитал зачастую шёл на развитие промышленного производства, что купцы превращались в фабрикантов и заводчиков, а внешняя торговля способствовала вливанию России в мировой экономический рынок. С другой стороны, Покровский преувеличивал значение борьбы за власть промышленного капитала с торговым [12, 121]. Главным образом он фиксировал свое внимание на противоречиях между торговлей и промышленностью, что вызывало справедливую критику у большинства оппонентов историка, а процесс сращивания торгового и промышленного капитала, переход купечества к промышленной деятельности оставался в основном вне поля зрения историка.

Выше уже отмечалась роль теории «классовой борьбы» в исторических построениях Покровского. Какую же оценку историк даёт основным революционным событиям российской истории, вошедшим в антологию советской историографии? Он подробно повествует о Соляном бунте, о крестьянском восстании под руководством И.И. Болотникова. Однако, в отличие от С.Ф. Платонова, который детально раскрыл ход и этапы движения Болотникова, М.Н. Покровский ограничился описанием Болотникова как отважного человека, поднявшего крестьянство на борьбу с «ненавистными угнетателями».

Сравнительно больший объём событийной информации приводится о восстании Степана Разина. Говоря о причинах восстания, Покровский их связывает с развитием торгового капитала («... самое большое восстание, с которым пришлось иметь дело первым Романовым, это было восстание казацко-крестьянское, вышедшее с Дона, – восстание Степана Разина. Оно непосредственно связано с развитием торгового капитала» [12, 78]). И только через страницу имеется указание

на причину, продиктованную сугубо идеологическими соображениями – рост феодальной эксплуатации. Для воплощения одного из основных положений своей концепции – о решающей роли классовой борьбы в истории – Покровский называл «Смутное время» «народной революцией начала XVII в.», а восстание Болотникова – «казацко-крестьянской революцией» [12; 78,79,86]. При этом от него ускользнуло уже появившееся в отечественной историографии понятие «крестьянская война». Даже восстание Пугачёва он не определял как крестьянскую войну. Снова основной акцент в раскрытии причин движения Пугачёва ставился на развитие товарно-денежных отношений, приведших к усилению эксплуатации крестьян, которая «отличалась особенной свирепостью» [12, 141]. В отличие от «Русской истории с древнейших времен» Покровский давал более взвешенную оценку целям, провозглашённым в манифесте восставших. Его оценка основного тезиса восставших – о замене одного царя на другого, «более справедливого», по его мнению, обрекала восстание на поражение, так как манифест Пугачёва не предусматривал изменения самодержавного строя. Позднее это положение стало одним из основных в советской историографии крестьянских войн.

Сравнительно много места в «Русской истории в самом сжатом очерке» уделено центральной теме советской историографии – «истории революционных движений XIX - начала XX вв.» В оценке движения декабристов Покровский напрямую не следовал ленинской трактовке. Однако во многом она совпадала. В отличие от В.И. Ленина, он называл декабристов не дворянскими, а буржуазными революционерами («... 14 декабря 1825 г. было первым и последним революционным выступлением буржуазии в России» [12,154]). В некоторой степени он преувеличивал роль народных масс в восстании декабристов, определяя его как «всенародное восстание». Вместе с тем, задавая риторический вопрос «почему же декабристы потерпели такое поражение?», историк в духе ленинской трактовки писал: «Ответ дали они сами: они боялись всенародного восстания, начинавшегося на их глазах» [12, 153].

Не обошёл вниманием в своем учебнике Покровский и деятельность Радищева, Герцена, Чернышевского. Радищева и Герцена он ставил в один ряд с декабристами, называя их также буржуазными революционерами, за что неоднократно подвергался критике советскими историками, занимавшимися историей движения декабристов. Покровский обращал внимание на то, что Герцен впервые высказал мысль о том, что русская община поможет России совершить «революцию социалистическую», минуя «буржуазную».

Он подчёркивал, что эта идея прочно вошла в сознание русской интеллигенции 1860-70-х гг. и послужила основой народнической идеологии [12, 169-170]. М.Н. Покровский очень умело, с долей издёвки, с привлечением конкретных исторических примеров показал в «Русской истории в сжатом очерке» искусственность теоретических построений народников в плане идеализации общины как основной формы развития социализма. Конкретизируя одно из основных положений марксизма об определяющей роли производства в общественном развитии, он подчёркивал, что в «своем понимании социализма интеллигенция шла не от производства, а от распределения собственности. Но распределение собственности есть вторичный признак, это распределение зависит от организации производства». Четко разграничивая понятия общинного и общественного производства, историк отмечал, что в сельской общине никакого общего производства нет и никогда не было. («Всякий крестьянин работает на своей полоске самостоятельно, то, что он соберет, принадлежит ему, а не идет в общий котел» [12, 167].) Этот тезис прочно вошёл во все антологии советской историографии народничества.

Выделяя в отдельную главу тему «Народническая революция», Покровский рассматривал народничество 1870-х гг. как самостоятельный этап «буржуазно-демократического революционного движения». Давая характеристики лидерам народников, Покровский называл П.Л. Лаврова крупнейшим представителем и создателем «стройной системы русского мелкобуржуазного социализма». Анализируя «Исторические письма» П.Л. Лаврова, историк проводил мысль, что «народничество» имело мало общего с интересами народа. Он писал: «На самом деле народу тут отводилось последнее место: он страдает, он трудится, а думают за него и спасают его «критически мыслящие личности». Это понимание истории именно буржуазное...» [12; 173,175]. Лаврова Покровский называл «...скромным кабинетным учёным. Революционная деятельность рисовалась ему в виде исключительно пропаганды». Лавров и Михайловский, по Покровскому, учителя понимания жизни. М.А. Бакунину учёный давал другую, более лестную характеристику, чем П.Л. Лаврову, считая его прагматиком, учителем того, как нужно делать жизнь, как нужно действовать («Бакунин – был народник в более прямом смысле, чем Лавров: для него народ, народная масса были прямым источником революции» [12; 176,179]). Полагая, что Бакунин во многом способствовал стремлению «революционно-настроенной молодежи» к действию, историк писал: «Это огромное по своему времени движение «в

народ», охватившее тысячи молодых людей, было началом нового революционного подъема, отделенного шести-, семилетним промежутком от крушения каракозовщины...» [12;176,179]. Вместе с тем Покровский, давая оценку деятельности бакунистов по «расшатыванию государства» с помощью стихийных крестьянских бунтов, констатировал: «Мелкобуржуазный социализм надеялся поднять крестьянство, оно не шелохнулось» [12, 188]. Прежде всего в этом он видел причину перехода к террору («к террору «бунтари» перешли тогда, когда убедились в невозможности поднять массовое народное восстание» [12, 189]). Подробно повествуя на страницах своего учебника о подготовке и проведении террористических акций народническими организациями, он давал в целом критическую оценку их деятельности. Но какова эта критика? Она сводилась, главным образом, к обвинению народников в переоценке либералов. Покровский писал о народниках, что они «...террором надеялись раскатать буржуазию, вывести ее из состояния трусливого оцепенения, а правительство надеялись довести до такого оцепенения. И в том и в другом ошиблись» [12, 190]. Говоря о «Народной воле» как об организации, «открыто порвавшей с народническими традициями» [12, 190], он также критически оценивая её деятельность, отмечал: «Народная воля» не восставала против буржуазии и эксплуатации вообще, а ставила себе определенную задачу – путем заговора добиться политического переворота, низвержения царской власти и созыва учредительного собрания» [12, 191].

Таким образом, политическая ангажированность исторических воззрений Покровского особенно явно сказалась в оценке общественных движений, предшествующих формированию марксистских политических течений. Нарушая принцип историзма, он связывал всё негативное в «революционных движениях» с отсутствием влияния марксистских идей. Эсеры использовали марксистские идеи. В период написания «Русской истории в самом сжатом очерке» перед Покровским стояла актуальная для того времени задача развенчания роли партии эсеров в утверждении советского государственного строя. С этой задачей, как видим, историк «блестяще» справлялся, игнорируя фактическую сторону российской истории. Таким образом, видимая противоречивость исторических взглядов Покровского зачастую объясняется весьма просто: для него была важнее политическая составляющая во взглядах на историю.

Тем не менее, для советской исторической науки очевидна заслуга М.Н. Покровского в оценке роли и значения деятельности народников. Подавляющее большинство оценок Покровско-

го, данных в «Русской истории в самом сжатом очерке», легли в основу всей советской историографии «движения народников».

Само название одной из глав учебника «Промышленный кризис и массовое рабочее движение» свидетельствует о том, что Покровский оценивал рабочее движение как этап «освободительной борьбы». Активизацию рабочего движения историк связывал не только с началом промышленного кризиса, но и, в первую очередь, с распространением марксистских идей. В «лучших традициях» марксистской историографии он усматривал залог политической победы большевиков в октябре 1917 года в массовых выступлениях пролетариата. Поэтому он первым из марксистских историков большое внимание уделял истории стачек и забастовок. Покровский подробно освещал деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он подчёркивал, что эта организация, благодаря тесному союзу с рабочими, стала «зародышем, из которого развилась российская социал-демократическая рабочая партия...» [12, 232]. Как член этой партии с 1905 г., он особое внимание обращал на историю её создания, борьбу В.И. Ленина и его сторонников с политическими оппонентами. По существу основной материал части III «Русской истории в самом сжатом очерке», охватывающий хронологический период с 1896 по 1906 гг., позволяет говорить о нём как об очерке «революционной истории». Содержание не только этой части, но и всего учебника Покровского, позволяет сделать вывод, что «Русская история в самом сжатом очерке» Покровского была первым советским учебником, наиболее полно отражавшим историю «классовой борьбы» в российском обществе.

Изучение обширной историографии о М.Н. Покровском как советской, так и постсоветской свидетельствует о том, что именно в оценке концептуальных построений М.Н. Покровского (трудно найти какую-либо другую персоналию в отечественной историографии) наиболее концентрированно сказывался конъюнктурный, политизированный подход. Пожалуй, у Покровского, как ни у какого другого отечественного историка, эволюция как теоретических, так и конкретно-исторических взглядов протекала настолько быстро, что давало возможность исследователям его творчества менять оценку его концептуальных построений в зависимости от политической конъюнктуры. Одно неоспоримо, что становление советской моноконцепции отечественной истории шло не мимо работ М.Н. Покровского, а непосредственно через всё его творчество. Оформление марксистской парадигмы российской истории, формирование форма-

ционного подхода шло через критику историографической деятельности историка.

В чём причины столь негативного отношения И.В. Сталина к М.Н. Покровскому? Сегодня ни для кого не секрет, что одним из условий полной узурпации политической власти в стране Сталиным была необходимость покончить с так называемой «ленинской гвардией», одним из ярких представителей которой, несомненно, являлся М.Н. Покровский. Обвинение в том, что его схема русской истории противоречила марксистской теории общественно-экономических формаций, в большей степени было надуманным, тем более Покровский позитивно реагировал на большинство замечаний со стороны главы государства.

В советской историографии сложилась устойчивая традиция показывать М.Н. Покровского как разрушителя дореволюционной академической науки, как нигилиста по отношению к её наследию. Такой подход произрастал в условиях критики Покровского и его школы. Однако историографический анализ «Русской истории в самом сжатом очерке» позволяет говорить о Покровском как о первом советском историографе дореволюционной исторической науки. Противоречивость исторических взглядов М.Н. Покровского привела к тому, что он, верно отмечая достоинства исторических взглядов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, давал сугубо идеологизированные оценки их богатейшему историографическому опыту. К сожалению, многолетняя всеобъемлющая критика Покровского и его теории «торгового капитала» привела в конечном итоге к недооценке советскими историками роли торговли, купеческого сословия в процессе модернизации экономики российского государства.

«Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского является основным историографическим источником по изучению процесса становления марксистской интерпретации отечественной истории в школьной учебной литературе 20-х гг. XX века.

О значимости историографического наследия М.Н. Покровского свидетельствует тот факт, что ряд современных историков и политологов проявляют повышенный интерес к его идеям. Не ограничиваясь лишь одним интересом, предпринимаются попытки объяснения социально-экономических условий глобализационных процессов с использованием теории «торгового капитала» Покровского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х - 1930- гг. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. - М., 1998. - 198 с.
2. Кагарлицкий Б. Разгадка сфинкса. Забытая исто-

- рия Михаила Покровского// Электронный ресурс: [http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=872]
3. Кизеветтер А. Царствование Александра I в новом освещении//Русская мысль. 1908. кн.I-II.
 4. Когонашвили К.К. Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского.- М., 1968; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. - М.: Мысль, 1970; Чернобаев А.А. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский - ученый и революционер // Вопросы истории. 1988. №8. С.3-23 и др.
 5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.36. М., 1962.
 6. См. напр. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
 7. Нечкина М.В. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М.Н. Покровского//Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.;Л., 1939. ч.1. С. 244-275; Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского//Там же. С. 303-336.
 8. Панкратова А. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского//Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сб.статей. ч.1. М.;Л., 1939; Дубровский С.М. Академик Н.М. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки//Вопросы истории. 1962. №3; История и историки. Историографическая история СССР. Сборник статей. М., 1965; Черепнин Л.В. М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки// Очерки истории исторической науки в СССР. Т.IV. М., 1966; Когонашвили К.К. Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского. М., 1968; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1969; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970 и др.
 9. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке, часть I и II (от древнейших времен до конца XIX столетия). М.: ГИЗ, 1920.- 276 с.
 10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Четвертое посмертное издание. М.: Партийное издательство, 1933. (Как и кем писалась русская история до марксистов.)
 11. Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. - Кн.1. М., 1966.
 12. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке//Избранные произведения в четырех книгах. Кн.3. М.: Мысль, 1967.
 13. Современный мир. 1908. №1. С. 137-138; Скворцов-Степанов И.И. Избранные произведения. Т.1. М., 1930. С. 309-311.
 14. Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970.
 15. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М, 1960.

МЕНШЕВИКИ И СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы современной отечественной историографии крупнейших российских социалистических партий – социалистов-революционеров и меньшевиков, отмечены проблемы и перспективы исследований. Показаны крупные исследовательские проблемы, стоящие перед современными отечественными и зарубежными авторами – источниковая база, участие меньшевиков и эсеров в гражданской войне, изучение биографий видных деятелей партий, история местных партийных организаций. Рассмотрено отражение эволюции идеологии и практики российских социалистических партий в трудах историков последних десятилетий.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, партия социал-демократов (меньшевики), Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, историография.

A. Suslov
MENSHEVIKS AND SOCIALISTS-
REVOLUTIONARIES IN SOVIET RUSSIA: PROBLEMS TO
MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract. In article are analysed main problems to modern domestic historiography the most largest Russian socialist party – a socialist-revolutionary and Menshevik, noted problems and prospects of the studies. They Are Shown large exploratory problems, costing before modern domestic and foreign author – source base, participation Menshevik and SRs in civil to war, study biography visible figures party, history of the local party organization. The Considered reflection to evolutions to ideologies and practical persons Russian socialist party in works historian on decennial event.

* © Суслов А.Ю.